

гда оказывающие курсы воспитания только благодарить своих директоров? Наставники подшеющими суверенность, и утомлять их обиды и ужасами подписей. Один из родителей плавно, что должен был дать своему очившему гимназию сыну 30 рублей: 15 на подношение суверена и 15 руб. на ушение.

— Не говоря уже о том, что для высылки 30 рублей вовсе не пустяк, говорю я этим родителям,— не хуже же что послать утомленному сыну, мой верный пашинь и четыре дня был болен. Я думаю, чтобы это входило в систему разования.

Предполагается, что все такие обязанности и утомления дѣла свободны у учащихся и их родителей: хочешь, давай, не хочешь— не давай. Но в действительности, свободы выбора нѣтъ: хочешь— не хочешь, а давай, иначе пошлешь свое дитя въ гнусное и пагубное заведение. Такой неволею и въ мирѣ дѣлахъ не избѣжишь, а въ детском мірѣ темъ болѣе. Конечно, признательности— ставнишки— вещь похвальная; но ее мы не регулировать и безъ указанныхъ пунктовъ, равно тиотности и для родителей большинства которыхъ не обидать вытѣкомъ средствъ, и для наставниковъ состоящихъ свое призваніе и свой долгъ.

Бываетъ и такъ, что именитыя дѣла начальники заведений претерпятъ значительныя тѣзоземныя, что и обострятся соотвѣствующей попой, облегченіи уроковъ и т. п. Брѣдъ ли и это убои въ школу.

Во всякомъ случаѣ было бы желательнѣе, чтобы описанные гимназическіе обязанности упразднились, не ожидая общей общественной реформы, и чтобы уже въ нынешній годъ родители не пришлось пахъ жаловаться.

Подаетъ: Неизвѣстный.

...и от Христа. (Голоса слышны: «и от Христа»). Так и я понял докладчика, (голоса слышны: «правильно»). И мы не знаем, оспаривать эти принципы невозможно: они теоретичны и совершенно правы. Но, господа, применимая теоретичность ведет иногда к самым неожиданным последствиям, и сама думала комиссия не довела до конца этого принципа (голоса слышны: «это верно»), не шла до конца по выбранному ей пути, была и была, как бы сказать, сама стобоя в историю протестантизма. (Голоса слышны: «верно, правильно»). Видя в действительности гораздо больше лиц, которые себя признают совершенно неубедившими, чем таких, которые фактически перейли к мажоритизму, будучи не уверены; и все соображения комиссии относительно лиц, перешедших к христианству, могут быть отнесены к мажоритизму к лицам, заявляющим себя неубедившими. Видя эти лица точно также существующие, совершая таинство, я вполне так думаю, как будто бы были отлучены от церкви. Между тем, комиссия совершенно правильно признает, что у нас невозможно признание принципа или вероисповедности. С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, которые не имеют открытого признания перехода к христианству из нехристианства, с другой стороны, комиссия не следует за западными образцами и не пытается признать принцип вероисповедного состояния. Однако, торжество теории одинаково опасно и в том и в другом случае. Ведь, во всех государствах, признающих свободу совести и дающих свободу народному духу и народным традициям и проводящих в жизнь, строго с ними сообразуясь, что подтверждается изучением всех иностранных законодательств. Возьмем на поддержку прусское законодательство, и мы ставим некоторые программы свобод веры и свобод вероисповедания и требуем, во-первых, предварительного заявления о переходе к другому вероисповеданию, а затем и уплаты со стороны отходящего в продолжение двух лет овышностей в пользу той общины, от которой отпадает. Мы школьные законодательства прусское государство требует первоначального обучения всех детей, даже не признающих ни к какому исповеданию. Австрия не признает врагов между христианами и нехристианами. Наконец, в странах свободы совести, во Швейцарии, эта свобода совести подвергнута некоторым стеснениям. Мы говорим уже о том, что в Швейцарии не дозволяется создавать монастыри, не допущены проповеди изуверства, о чем упоминает уже тот же товарищ министра внутренних дел, но поражает в Швейцарии и то, что, когда в некоторых кантонах были изгнаны из школ Закон Божий, в других кантонах среднее обучение строго профессиональное; во Лодзях, например, все школьное обучение отдано в руки католического духовенства, а так как там существует обязательность обучения, то, как кажется, образование юношества в Лодзях находится в строгости соответствии с принципом свободы совести. Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентные к религиозным вопросам, теория свободы совести даете отступки народному духу, народным верованиям и народным традициям, у нас ведь народный дух должен быть принесен в жертву соей, непопулярной теории? Неужели для того, чтобы исполнить декреты, мы беззаказно отходим от христианства и почитаемых церковью заветов, даем возможность открыто порвать с церковью, неужели для этого необходимо вписать на страницах нашего законодательства начало, равнопоставленное в глазах обывателя уравнению православных христиан с нехристианами? Неужели в нашем строго православном государстве отпадет один из главнейших признаков государства христианского? Народ наш усерден к церкви и к вероисповесту; но вероисповестность не есть еще равнодушие. Не думаю, что этот вопрос—вопрос простой, доступный совести каждого, а хотя бы и затеять индифферентности, скажу прямо, в этом дят совести приемам какого то дутая лавоса; не хотая бы вызвать даже к вашему усудству, хотя бы к чувствому разсудителю, но полагаю, что в этом дят совести мы все должны подняться в область духа. Из это дло нельзя приминать и политический соображений. Мы только что тут говорили, что вероисповедные законы поставлены на очереди в дунь по сравнению с свойствами политического: на этот раз, вопрос скажется, позвольте напомнить правительству. Но неужели забыло правительство, что наше правительство не может уклониться к ватю, то вправо тогода слышны: «ой, ой»), что наше правительство может идти только одним путем, путем правды, указанным Государем и еще недавно называвшим вьт голоса: «брато, рукоплеская»), неужели несерьезно или признающим незыблемости. Вот и теперь стоим перед великим вопросом проведения в жизнь высказанного указом 17 апреля и манифеста 17 октября. Определяя способы выполнения этого задания, мы не можем стать к пути соображений партийных и политических, а будем руководствоваться, а вьт этом уверены, как теперь, так и не раз и вьт будущем при проведении других реформ соображениями иного порядка, соображениями о том, как преобразовать, как улучшить наш быт совершенно новым началом, не папсом уверяя книжной основой нашего государства—дунь таинственной, объединяющей и объединяющей мималюну русских. Мы все, вьтующие и неубедившие, бывали вьт нашей заходящей деревне, бывали вьт деревенской церкви, бывали, как теперь можем наш русский народ, и не могли не сознавать, что разлаживающиясь вьт церкви слова для этого молчающегося люда—слова божественныя, и народ, ищущий утешения вьт молитвах, поимет, конечно, что за вьтру, за молитву каждого по своему обряду закон не парадокс. Но тот же народ не уразумевает закон чьт вьтывшего характера, который провозглашает, что православие и христианство уравнивается с дуньством, вероисповестом и мажоритизмом. (Голоса слышны: «правильно», рукоплескаяны и вьт центр). Наша задача не состоит вьт том, чтобы проповедать православие, а вьт том, чтобы проповедать правосудие.

